

РЕЦЕНЗИИ

Татар тәһрият аңгатамы сүзлегә. Өч томда. Казан: Татарстан китап нәшрияты. I—1977. 476 б.; II—1979. 726 б.; III—1981. 832 б.

Тюркская лексикография в послевоенный период развивалась целенаправленно и динамично: издавались словари различных типов, совершенствовалась структура словарных статей, пополнялись картотечные фонды. Последние десятилетия были ознаменованы углублением лексикографической теории, ростом выпуска словарной продукции и, в частности, выходом в свет больших толковых словарей азербайджанского, казахского, киргизского, татарского, туркменского и узбекского языков.

Толковые словари — важный этап развития социалистической культуры народов СССР, свидетельство зрелости и жизнеспособности национальных языков. В них обобщается многовековой путь совершенствования языка, насыщенный семантическими переходами, сужением и расширением содержания собственных и заимствованных слов. Издание таких словарей всегда воспринимается как событие, заслуживающее особого внимания.

Трехтомный Толковый словарь татарского языка подготовлен группой сотрудников Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР. Составители — И. А. Абдуллин, Р. Г. Ахметьянов, Г. X. Ахунзянов, С. Б. Вахитова, Р. М. Гаизова, М. Р. Гайнанова, Ф. А. Гаппев, Р. Р. Мингулова, М. Г. Мухаммадиев, Р. К. Рахимова, Ш. С. Ханбикова, руководитель — Л. Т. Махлутова, являющаяся одним из ведущих лексикографов и диалектологов республики. Словарь как бы подводит итог продолжительному изучению татарского языка, представляя в наиболее полном виде его лексику и фразеологию.

Идея создания толкового словаря татарского языка возникла в 1829 г., когда профессор Казанского университета Ф. Эрдман подготовил его проект, который, однако, по ряду причин не был реализован.

В 1895—1896 гг. появился двухтомный словарь крупнейшего татарского просветителя и ученого Каюма Насыри под названием «Дәһжәи татари» («Словарь татарского языка»). Он включает в себя более 10 тысяч слов и отличается богатством представленного в нем материала живого общенародного языка. Это — первый толковый словарь в истории тюркских языков» [1; см. также I, с. VI].

В 20-е годы нынешнего столетия предпринимается попытка создания полного словаря татарского языка: в 1927—1928 гг. Дж. Валиди издал две части первого тома, охватывающие буквы «алиф», «ба» и «та» (издание осталось не-

завершенным). Дж. Валиди впервые пользовался картотечным методом составления, причем в его картотеке нашли отражение и произведения художественной литературы, и образцы разговорного языка, собранные многочисленными информантами.

Рецензируемый словарь охватывает лексику татарского языка, начиная с XIX в. до наших дней. Он составлен на основе картотеки, насчитывающей свыше 3 миллионов карточек, и содержит более 42 тысяч словарных статей.

Формирование картотеки осуществлялось путем сплошного расписывания произведений классиков татарской литературы, ряда современных писателей, а также общественно-политических, научных, научно-популярных и учебных изданий. Среди источников картотеки особое место занимают фольклорные тексты.

Корпусу словаря предшествуют введение, список источников и сведения, необходимые для пользования им.

При разработке лексических материалов составители опирались на многочисленные словари: толковые, диалектологические, двуязычные, терминологические, фразеологические, орфографические, а в ходе решения таких вопросов, как объем словаря, хронологические рамки словаря, структура словарной статьи, толкование слов и др., учитывали достижения отечественной науки, опыт работы над толковыми словарями других языков, сложившиеся традиции татарской лексикографии.

Основу словаря образует «общепонятная лексика и фразеология современного татарского языка» (I, с. XI). Наряду с общепринятыми в современном литературном языке словами, представлены диалектная и просторечная лексика, неологизмы, устоявшаяся терминология, лексика, характерная для языка классической татарской литературы конца XIX — начала XX вв. (произведения Г. Тукая, Ф. Амирхана, Г. Камала, Г. Ибрагимова, Ш. Камала и др.), нередко привлекаемая современными писателями в целях стилизации речи персонажей или для создания исторического колорита. Таким образом, принцип нормативности сочетается с принципом справочности и это сочетание следует считать правомерным, что, кстати, соответствует установившимся взглядам на целесообразность включения в толковые словари определенной части ненормативной лексики [2].

В самом деле, диалектная лексика — постоянный источник обогащения литературного языка, так или иначе она активно проникает в язык художественной

литературы, и включение диалектизмов в словник несколько не противоречит задачам составления толковых словарей. Приведем примеры: *биртэк* «запка», *буйдах* «холостик», *сыкы/зыкы* «изморозь, иней», *тожым* «паутина (летающая осепись)», *ымсыну* «облазняться, прельщаться (чем-л.)», *орфия* «очень тонкое кружевное или тюлевое покрывало; очень тонкий», *аклан* «лесная поляна», *баканык* «раковина, ракушка», *изар* «охотничья собака», *исээн* «забывчивый», *катырган* «крыжовник», *коргик* «высыхающий, высушенный; засушливый; сухая погода», *кэкер-чекер* «еда для члестия», *онта* «мучная пыль», *тасыл* «умение, мастерство» и др. Часть диалектизмов сопровождается пометой «диал.», тогда как другие даются без пометы. Заметим, что некоторые из них, например, *аклан*, *тасыл*, *орфия* в значении «тонкое кружевное или тюлевое покрывало» отсутствуют в Татарско-русском словаре ([3]; далее — ТРС). Однако встречаются диалектизмы, включение которых в Словарь нельзя считать оправданным, ср.: *алакаю* ~ лит. *акаю* «таращиться»; *күләчә* «шайба», но отсутствует лит. *күләчә* «плевел»; *күләсә* (< русск. *колесо*) ~ лит. *тэгармач* «колесо»; *такай* ~ лит. *ала*, *штүти* «тётка, тётушка»; *талта* // *талда* ~ лит. *яныч*, *жүцеллек*, *шифа* «утешение, облегчение, исцеление» и т. п.

Что касается малоупотребительных или устаревших слов, то изъятие их из словаря затруднило бы чтение художественной литературы.

Семантический анализ слов и слово-сочетаний — сложнейший этап лексикографической работы. И поэтому заслуживает высокой оценки исчерпывающий перечень значений многозначных слов, хотя в ряде случаев, как нам кажется, составители не избежали некоторых излишеств. Кроме самостоятельных значений, подчеркнуты оттенки, показаны сочетаемостные возможности слов. Например, у глагола *булу* «быть...» выявлено 39 значений и 18 оттенков (в ТРС — 8 значений), *тарту* «тянуть, дергать...» — 37 и 13 (в ТРС — 7), *тошу* «спускаться, снижаться...» — 66 и 27 (в ТРС — 7), *жибару* «посылать, отсылать...» — 28 и 27 (в ТРС — 10 и 8); *төл* «дно, основа...» — 26 и 16 (в ТРС — 7) и др. В целом четко определены значения, раскрыта семантическая структура слов, которые ранее считались однозначными, уточнена степень закрепления в языке индивидуальных образных употреблений. Устанавливается взаимосвязь, соподчиненность главного и второстепенных значений.

Среди различных способов определения значений преобладает описательное толкование, т. е. толкование при помощи слов, являющихся заглавными в словаре. Толкования, как правило, лаконичны, нередко они дополняются синонимами или антонимами толкуемых слов, в случае же необходимости приводятся русские эквиваленты или делаются отсылки. Синонимы используются и сами по себе, при объяснении заимствованных и малоупотребительных слов. Так, для устаревшего *багыч* приведено общеупотребительное *бакчачы* «садовод», для

диалектного *бежгэк* — литературные *сукранучан* «ворчливый» и *карганучан* «проклипающий». Посредством отсылок объясняются некоторые производные слова и глагольные формы, снабженные грамматическими пометами. Особый тип толкования, применяемый главным образом для заимствованных слов, — перевод на русский или татарский языки, ср.: *аэроплат* — *очучы*, *авли* — *губернатор*, *сектоватин* — *йөз ватт*, *горком* — *шәһәр комитеты*, *карус* I — *сузлек*, *кастёр* — *учак*, *перламутр* — *сәдән*.

Поскольку семантика слов раскрывается в сочетаниях их с другими лексическими единицами, значительное место в словаре занимает иллюстративный материал: речения, цитаты из произведений художественной литературы и устного народного творчества, публицистики, из научных и других текстов. Наиболее живописную часть этих материалов составляют пословицы, поговорки, загадки, фрагменты народных песен. Примеры: *Курайчылар курай уйнамас*, *Башкорт курайлары булмаса (жыр)* «Курасты играть не будут, Коль нет башкирского курая» (песня); *күнче күнне күндерер* «кожевник и кожу уговорит»; *тасылын белгән — таш кискән (сыккан)* «искусный разрежет (выжмет) и камень»; *тәи азыгы — икмәк*, *жан азыгы — гыйләм һәм мәгърифәттер* «пища тела — хлеб, пища души — знание и образованность»; *кыйммәт булса — хикмәте бар*, *арзан булса — гыйльәте бар* «дорого да мило, дешево да гнило».

Бесспорным достоинством словаря является довольно полное и упорядоченное (по первому компоненту сочетаний) отражение в нем фразеологических единиц татарского языка. Некоторые словарные статьи особенно богаты фразеологизмами, ср.: *тел* «язык» — 92 фразеологические единицы, *баш* «голова» — 94, *йөрәк* «сердце» — 97, *жан* «душа, дух» — 134, *күз* «глаз» — 204, *күңел* «душа, настроение» — 213 (при подсчете варианты не учитывались).

В рецензируемом словаре дается подробная грамматическая и стилистическая характеристика слов, осуществляемая посредством системы помет. Детализованы так называемые ограничительные пометы, указывающие на отнесенность слова к тому или иному стилистическому пласту: разговорному, книжному, диалектному, просторечному, жаргонному и т. д.

Естественно, что в большой коллективной работе неизбежны мелкие упущения и недосмотры. Отметим некоторые из них.

В татарской лексикографической практике в качестве заглавного слова для глагола используется форма на -у, иногда не поддающаяся привычному морфологическому членению. Очевидно, в таких случаях, следовало бы приводить рядом с ней в скобках глагольную основу, например: *ачу* (*ачы-*) «окисать, сквашиваться», *бию* (*бие-*) «танцевать», *учу* (*уку-*) «читать».

Иногда значения выделяются на основе одной цитаты, что представляется недостаточно убедительным. Так, диалектизм *алчак* выступает со следующими зна-

чениями: «1) злой, бессовестный; 2) стремящийся действовать, порывистый; 3) приветливый, радужный, почтительный». Между тем в диалектологическом татарском и в Татарско-русском словарях [4, 3] отмечено лишь его третье значение. Наличие первого значения подтверждено цитатами из прозаведений К. Гинчурина и Г. Камала, тогда как второе значение проиллюстрировано примером из стихотворения Н. Арсланова, в котором, по видимому, мы имеем дело с индивидуальным авторским осмыслением *алак*.

Едва ли целесообразно помещать в словарь слова *ватанбар* (с пометой, «устар.» и отсылкой к *ватанчк*, *патриот*), встречающегося один раз у Н. Арсланова и являющегося типичным окказионализмом. Окказионализмами являются и такие слова, как *люба*, *тавыкбикэ*, *трилобит*.

Немало в словаре очень специальных терминов, присутствие которых вряд ли оправдано и которые, кстати, не сопровождаются цитатами, например: *кромглас*, *легирлау*, *легислатура*, *легицимация*, *легицимизм*, *феод* и т. д.

У слова *бэндэ* выделено два значения: «1. пренебреж. Плохой, двоярдный человек; бестолочь, недотёпа, растяпа... 2. устар. В сочетании с некоторыми словами и в особом контексте: человек». В цитатах ко второму значению — определительные сочетания: *рэхмэтле бэндэ* «благословенный человек» (М. Файзи), *ягшы бэндэ* «хороший человек» (Г. Баширов). Сюда же необходимо перенести цитату с сочетанием *хэтэр бэндэ* «опасный человек» (Г. Абсаламов), иллюстрирующую первое значение. Кроме того, у *бэндэ* есть значение «раб, невольник», что подтверждается двумя цитатами: *Өйрэтте ул [Залык] бевне кыюлыкка*, *Бэндэ түгел, кеше булырга* «Научил нас он [народ] смелости, Быть людьми, а не рабами» (Х. Туфан); *Мин бер бэндэң, гыйшың эуре* «Я один из твоих рабов, пленник твоей любви» (Н. Исанбет).

У слова *ас* III «летчик-истребитель» пропущено переносное значение — «virtуоз, мастер в каком-л. деле».

В толкование слова *гуляш* входит слово *блюдо*, которого нет в корпусе словаря. Предпочтительнее следующий вариант: «...икенче бирелэ торган ашамлык (вм. ...икенче блюдо итеп бирелэ торган ашамлык) «...даваемое как второе блюдо».

Слово *сукта* приведено как синоним в статье *тутурма* (домашняя колбаса из мяса и крупы). В иллюстрации (Л. Джалия) упоминаются оба слова, однако *сукта* опущено вне словаря.

Опыт составления других толковых словарей, например, узбекского [5], свидетельствует о том, что выделение заимствований увеличивает информативную и научную ценность словаря. При наличии специальных помет не лишено смысла членение заглавных слов в тех случаях, когда составляющие их компоненты — разного происхождения, например: «*Арманда* (*арман* п. + *-да*). Неисполненное желание». Иранизм *арман* в татарском языке выступает не сам по себе, а в форме местного-временного падежа, ср.: *Бабалар кабере яльнда күңел зар*, *Аталар русытны армандасы*

(*арман-да-сы*) *бар* «У могил предков душа жглобно плачет, Над ними витает неисполненные желания отцов» (Дэрдменд). Другой пример: «*Бервакыт* (ны) (*бер* + *вакыт* ар.). 1. Однажды (в прошлом). 2. 2. Когда-нибудь (в будущем)». Введение элементарных этимологических сведений не нарушает установившегося своеобразия толкового словаря, а лишь расширяет предмет толкования вплоть до средств выражения. Конечно, заимствованная лексика не всегда опознается без трудностей, многие слова неизвестного происхождения все равно остаются без помет и, тем не менее, паспортная её — важный и нужный участок лексикографической работы.

Список мелких упущений можно было бы продолжить, однако ясно, что они не являются препятствием для выполнения тех задач, которые ставились в связи с подготовкой толкового словаря. Составители проделали большую работу, огромный труд был вложен в редактирование: унификацию структуры статей, уточнение типовых определений, отбор иллюстративного материала и совершенствование системы помет. Устранены многие называвшиеся ранее недостатки Татарско-русского словаря [3], который в общем является лучшим татарским словарем соответствующего профиля [6].

Словарь имеет и научное, и практическое значение. Будучи энциклопедическим собранием татарской лексики и фразеологии, он углубляет наши представления об общенародном татарском языке, о его формах и стиливых разновидностях, о выразительных средствах и приемах обогащения, знакомит с различными проявлениями духовной жизни народа, отразившимися в семантике слов. Практическое значение словаря — в рекомендациях, способствующих повышению культуры речи (см. раздел «Орфография и ударение» — I, с. XV), в пропаганде норм литературного языка, в содействии освоению классического наследия.

Следует также отметить труд работников Татарского книжного издательства, обеспечивших выпуск словаря на высоком полиграфическом уровне.

В заключение можно с уверенностью сказать, что рецензируемый словарь является крупным достижением отечественной лексикографии и выход его — знаменательное событие в тюркологии.

Шербак А. М., Галимова Г. А., Хакимьянов Ф. С.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закиев М. З., Сафиуллина Ф. С. — СТ, 1978, № 2, с. 77. — Рец. на кн.: Татар теленең адлатмалы сүзлеге. Өч томда. I. Казан, 1977.
2. Гусев Ж. М. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984, с. 9 и сл.
3. Татарско-русский словарь. М., 1966.
4. Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан, 1969, б. 36.
5. Узбек тилининг изоҳли луғати. I—II. Маъруфов Э. М. таҳрири остида. М., 1981.
6. Юдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, с. 36—43.